

Тяжелая вещь – юбилей. Сами собой высказывают слова, которые в обычный день произносить стесняешься из-за их затрепанности и banalности. Но все-таки никуда не денешься, Ульянов – это эпоха. Он актер немыслимой, невозможной популярности. Жене Миронову, например, очень известному сегодня актеру, даже и приобретаться не может такая популярность. Это просто сумасшествие. Михаил Александрович мне рассказывал, что лет 20 назад он вдруг захотел бегать, тогда это было модно – бегать от инфаркта. И вот, представляете, бежит по улице Ульянов, а к нему каждые пять минут подбегают встревоженные граждане: “Товарищ Ульянов, что-нибудь случилось? Что произошло? Не надо ли помочь?”

Год назад мы были в Сибири на гастролях с "царским" спектаклем ("Последняя ночь последнего царя"), и яewitnessingую Ульянова узнают все. Новые русские, старики, дети, молодежь. Представляете, моложе Миронова не узнает, а Ульянова — пожалуйста. Мне кажется, тут все дело в потрясающем феномене лица, в нем есть что-то жангабеновское. Он появляется, и все мгновенно делают стойку. Как-то сразу становится понятно, что перед нами значительный актер. Его лицо интригует, а это немногим артистам дано.

Ульянов может казаться железобетонным, эдаким маршалом Жуковым при параде и в бронзе, но на самом деле он очень теплый человек. Когда о нем вспоминаешь, то такое тепло накаляет, тепло из самого детсява.

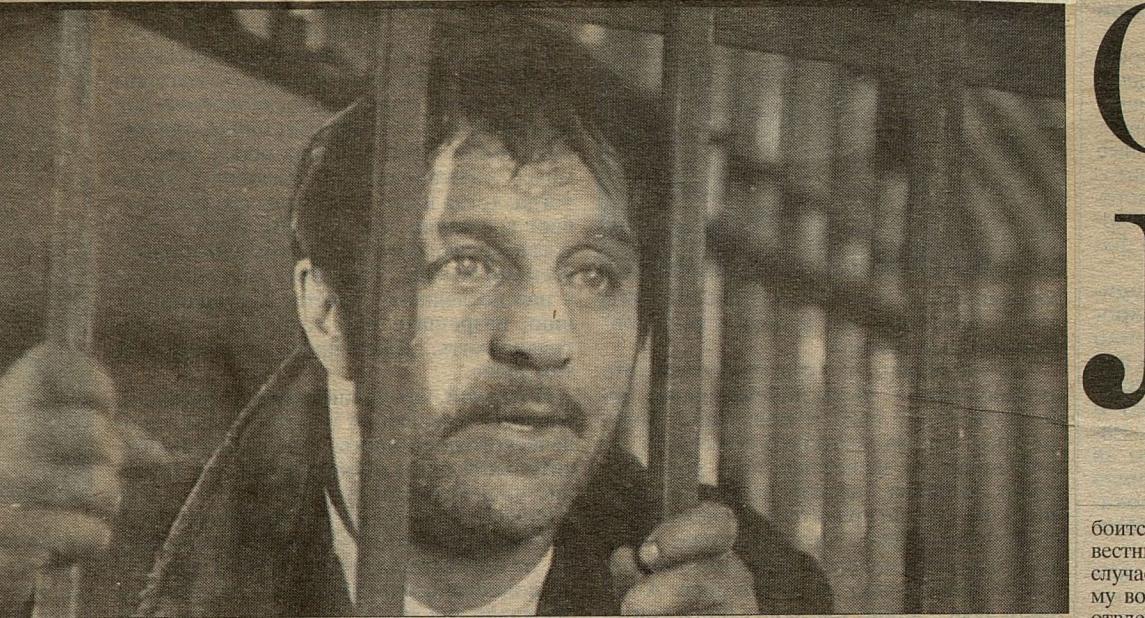
Мои первые впечатления об Улья- с

и мечте
счастья. —

10 страница ■

и супорядка

— впечатления юношеские. Тогда я не увлекался ни театром, ни кино, но мимо телевизора, конечно, не проходил. Помню это лицо, задумчиво-сурьое; помню песню о комсомольцах-доброволцах. Чем-то меня и страшно притягивал. Потом, конечно, «Председатель» произвел очень сильное впечатление своей неструйностью и выкрикнутой правдой: это было не только в словах, я, например, в то время вообще ни о какой правде не думал, меня все устраивало, плыл и плыл, не очень во все это вникая, но от Ульянова шла через экран опущимо опасная энергия, которая задевала зал и незаметно заставляла какие-то внутренне-дисидентские бациллы.

янов — замечательный артист, большой артист. Это действи-
о так и совсем никакое не пре-
дание. У него колоссальные
жности. Во-первых, дикий тем-
пент. Год назад мы репетирова-
ли пьесу Радзинского и я вся-
как поражался, что этот немоло-
док и не очень здоровый чело-
век венчаний всеми регалиями,
так себя не щадить. В нем
была взрывчатая непредсказуе-
мая, которую я обожаю в арти-
стов. Я думаю, что его можно бы-
лее раскопать глубже. Наверное,

огда кажется, когда имеешь дело с неизуярдным человеком. Но не ино же Эфрос пытается его как-вздухарить, показать неожиданно таким, как все привыкли видеть. С ним самые разные режиссеры работают, очень уж манифидивидуальность. Некоторые актеры идут от себя, играя за себя, но Ульянов полагает, что ему это противопоказано. Он очень не любит, ему надо сыграть роль, сыграв совсем другого человека. Он играл страстно, до самозабвения — лицедей, и этим все сказали о готовностью откликается на образные режиссерские пред-
ложения. Если его увлекаешь, заражай чем-то, отдашь весь, без остатка. Очень не любит многозначи- тельных и длинных речей вокруг пьесы, когда режиссер приносит экспликацию, надевает очки и начинает что-то долго говорить. Есть артисты, которых приходится обволакивать словами, напитывать литературой, а Ульянова надо заражать приспособлениями, чисто театральными манками. Например, сказать, что кровать, на которой лежит его герой, будет ездить по сцене, или положить ему под подушку пистолет — вот такие, абсолютно наивные вещи его возбуждают. Я, конечно, немножко хитрил с ним и далеко не все о будущем спектакле рассказывал. Был смешной момент, когда на генеральной репетиции он вдруг с изумлением обнаружил, что у него над головой крутятся акробаты. Потом-то он понял зачем, рассек замысел и увлекся страшно, но это — потом. Он не

никогда себе такого не поз-
т. им очень легко репетировать. В
овершенно нет такой академи-
ческой важности, что вот, мол, я на-
шай артист, председатель и тому
вное. Другое дело, что некото-
рных проявлений он как будто
стесняется. Помню, как
девять лет назад снимал с ним и Мар-
иной Нелевой фильм по пьесе
Грина "Транзит". Мне тогда
хотелось добиться от него от-
крытости, незащищенности, а ему
показалось, что надо быть посурое-
вее, кротче, бровь одну наверх и
т. д. Я разные способы придумы-
вал, чтобы сбросить с него эту маску,
скрытой камерой пользовался
воровывал кусочки репетиций,
они с Мариной просто дурачи-
ются таких вещей, уверено он себя
чувствует в активных, наступатель-
ных проявлениях.

Он любит преувеличения, любит
все обострять. Не очень любит, когда
надо что-то прожить внутри без
всяких внешних приспособлений.
Ему не нравится такая психологичес-
кая скучность. Тихая заводь, даже если
она очень правдивая, это не про
него. Но все-таки самые успешные
его роли те, где ему удается сочетать
внутреннюю наполненность и ости-
гнуть форму. Потому что при всей его
вахтанговской яркости, он – правдивый
актер, он – показушник.

Ульянов очень ответственный че-
ловек, сегодня это безумная ред-
кость. Десять лет, которые он провел
в СТД, безусловно, оторвали его от
профессии, он мог бы многое тогда

слова доброго вслед не сказал – имел возможность наблюдать то время – он работал честно и хотел что-то сделать. И сделил общем-то он сохранил Союз, время как многие творческие распались. Он сохранил там А скольким людям он помог. гнался ходить и просить: за другого. Его ведь всегда оде- сейчас. Михаил Александровы должны одеться и идти показа- цио. Было видно, как он набылся и тяжело вздыхал – надо, на- чего не поделаешь. Он, как мирский тяжеловоз, если ся, то уж будет тащить.

Бахтанговским театром руководил же чувством ответственно-го. Его уговорили принять театр коварицы, но сейчас об этом

приятие на плаву. И он Позвал Фоменко. Позвал и пусть даже у них не получится тельного романа. Хороших ров всегда мало, это редкий товар. Но он искал их ищет. Говорят, сегодня есть лучшее состояния? А какое нас в другом состоянии? Я иду театры, в которых ощущаются возрастные настроны, театрысы. Одно то, что Фоменко такие спектакли – пусть не каждые раз в полтора-два года, большое дело.

Ульянов пытается сохранить, с которыми прожил жизнь, хочет с ними дожить. Это отвильно и благородно. Но приходит, чтобы театр жил и развивался. Как правило, это не удается.

Одиночество шицедея

ФОКИН

тить. На двух стульях не усидишь, обновление любого театра, как ни печально, все равно начинается с драмы или даже с трагедии. Я это знаю, прошел через это в театре имени Ермоловой. Ульянову очень трудновести театр, но когда возникают такие спектакли, как "Пиковая дама", нельзя не признать успех художественного руководителя.

Конечно, он несет на себе большой крест. Я написал, что это фигура детская, наивная, но одновременно еще и бесконечно одиночная. Одиночество в нем довольно сильно ощущается. Оно идет от всех этих обязанностей, которыми он загружал себя под завязку. На репетициях актеры всегда раскрываются больше, чем им хотелось бы, и у нас бывали моменты, когда я чувствовал – он несет на себе слишком много, он тащит с трудом, из последних сил.

Может быть, именно сейчас ему надо сбросить с себя эту тяжесть, перестать быть общественным лицом и побольше поиграть. Если бы ему попался такой режиссер, как молодой Питер Брук, например, который сумел бы вытащить наружу все, что накоплено у него внутри, плюс его безупречное чувство формы — он взметнул бы куда-то очень высоко. Питер Брук тут необязателен, конечно, это может быть и Лев Додин. Поэтому что наступил уже тот рубеж, когда Михаилу Александровичу Ульянову нужно отбросить все театральные прикрытия, которые так надежно его защищали и вели по жизни, и раскрыться таким, каков он есть. Он мог бы грандиозно сыграть “Нахлебника” Тургенева. Так или

иначе ему нужно сыграть что-то очень глубокое, про жизнь, про себя — и исповедаться. Мне кажется, надо рискнуть.